

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

УДК 327(529)

БАЗОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА КНР В ПОСТБИПОЛЯРНОМ МИРЕ В НАЧАЛЕ 2000-х гг.

© 2013 г.

И.В. Шамин, Е.Е. Михайлова

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ovpb@mail.ru

Поступила в редакцию 22.04.2013

Главным геополитическим приоритетом китайских правящих кругов на международной арене в начале 2000-х гг. стало формирование многополярного мира и обеспечение доминирующих позиций КНР в рамках данной системы международных отношений.

Ключевые слова: сверхдержава, внешнеполитический курс, геостратегия, «мягкая сила», геоэкономическая экспансия, геополитическое сдерживание.

К началу 2000-х гг. КНР превратилась в одного из наиболее влиятельных «геополитических игроков» в рамках постбиполярной системы международных отношений (СМО). Обретение Пекином подобного внешнеполитического статуса во многом было обусловлено колоссальным развитием китайской экономики за последние три десятилетия. До начала мирового финансово-экономического кризиса осенью 2008 г. масштабы роста ВВП Китая составляли в среднем до 9% в год. После начала кризисных явлений в мировой экономике темпы поступательного развития экономического потенциала китайского государства несколько уменьшились. Однако несмотря на это Китай продолжает наращивать свою научно-техническую, производственную, финансовую и военную мощь. Так, в настоящее время КНР занимает первое место в мире по объемам золото-валютных запасов. К началу 2007 г., как считают специалисты, общая сумма валютных резервов КНР достигла приблизительно 1 трлн долл. А к февралю 2012 г. – возросла до 3 трлн 200 млрд долл. И КНР при сохранении подобной тенденции, согласно выводам многих и российских и западных экономистов, к середине XXI в. должна стать одной из крупнейших экономик мира, превосходящей по своим возможностям экономический потенциал США.

Как следует также констатировать, в 2003–2012 гг. китайские правящие круги во главе с

председателем КПК Ху Цзиньтао разработали и стали активно воплощать в жизнь свой масштабный геополитический проект, ориентированный на значительное усиление геополитического влияния Пекина в международных делах и, таким образом, на политическое и пространственно-стратегическое «поддержание» геоэкономических процессов, связанных с дальнейшим укреплением позиций КНР в системе мировой экономики. Этот шаг китайских властей стал фактически их «асимметричным внешнеполитическим ходом», осуществленным в ответ на предпринятые президентом США Д. Бушем-младшим и представителями его администрации широкомасштабные и активные геополитические действия на евразийском континенте в 2001–2008 гг., целью которых являлось установление тотального американского господства над всем евразийским пространством [1, с. 132–149]. Официально концептуальная сущность подобной глобальной геополитической программы Пекина была обнародована в отчетном докладе ЦК КПК, прозвучавшем на XVII съезде компартии Китая, который состоялся в октябре 2007 г. На этом съезде были подведены итоги первых пяти лет правления нынешнего руководства страны, возглавляемого Ху Цзиньтао. В указанном программном документе КПК в качестве главного приоритета государственного строительства на международной арене была определена основополагающая программная идея, ко-

торая предусматривает создание за пределами Китая так называемого «гармоничного мира», соответствующего по своему устройству политическим и экономическим интересам Пекина стратегического уровня на международной арене [2, с. 41–44].

Если оценивать с точки зрения геополитики своеобразие концептуальной сущности данной внешнеполитической доктрины Китая начала XXI в., а также конкретные шаги Пекина, принятые китайским руководством в рамках постбиполярной СМО для практической реализации данной стратегической программной установки в 2003 – 2012 гг., то следует выделить следующие базовые принципы, на основе которых правящие круги КНР во главе с председателем КПК Ху Цзиньтао фактически сформулировали само содержание своего геополитического проекта.

Как следует заключить, китайская правящая элита в качестве *сверхцели* своего внешнеполитического курса в указанный период определила превращение КНР *в одну из ведущих мировых сверхдержав*. В этой связи Пекин особенно заинтересован в том, чтобы не допустить «успешного» осуществления США своих глобальных геополитических планов по установлению тотального господства над миром. Во многом по этой причине нынешнее руководство КПК также считает геополитически выгодным для Китая создание нового устройства мирового порядка, которое базировалось бы на принципах многополярности и которое по своей геополитической организационной структуре не допускало бы достижения одностороннего преимущества в международных делах исключительно для какой-то одной державы, кроме, естественно, КНР. В свою очередь, именно КНР, согласно данной внешнеполитической доктрине Пекина, должна играть в рамках такой многополярной СМО главную консолидирующую роль. Вместе с тем китайские правящие круги также взяли курс на дальнейшую интеграцию страны в мировое хозяйство и извлечение максимальной выгоды из этого участия в процессах глобализации. И, таким образом, руководство Китая, опираясь на подобное структурное устройство «нового» постбиполярного мира, будет вполне способно, по замыслам китайских стратегов, фактически обрести «руководящие» международные позиции и обеспечить, тем самым, для всего китайского народа благоприятные возможности для того, чтобы достичь «экономического процветания и благополучия» в начале XXI в.

Стратегические цели внешнеполитического проекта Пекина предусматривают достижение

КНР прежде всего доминирующих геополитических позиций на пространстве Евразийского континента. При этом следует выделить две главные конкретные установки для геостратегии Китая в Евразии, которыми, как можно заключить, руководствуются в настоящее время китайские правящие круги.

Первая. Одной из важнейших целей внешнеполитических усилий Китая на стратегическом уровне геополитических приоритетов является формирование в Евразии под своей эгидой принципиально нового устройства так называемой «континентальной» СМО, а также создание структур общеевразийской системы безопасности. Согласно планам китайского руководства, определяющую роль в образовании новой «евразийской СМО», а также организационной модели трансконтинентальной военно-политической безопасности, естественно, станет играть КНР. При этом подконтрольные Пекину такого рода «евразийские» геополитические структуры должны охватить и, таким образом, фактически объединить вокруг Китая большую часть пространства Евразии. Причем эти институты, как следует констатировать, будут ориентированы китайскими властями прежде всего на то, чтобы консолидировать в своих рамках с помощью различных политических, экономических, военно-политических и других институциональных структур главным образом азиатские страны данного континента, включая, конечно, и Россию. В то же время главным функциональным предназначением и «новой» континентальной СМО, и соответствующей системы трансевразийской безопасности будет поддержание лидирующего геополитического и геоэкономического положения КНР на евразийском континенте, а также непосредственная защита здесь китайских национальных интересов. Как можно сделать вывод, правящие круги Китая в настоящее время пытаются создать подобный «новый геополитический порядок» в Евразии на основе следующих главных организационно-структурных составляющих.

Во-первых, Пекин для решения указанной геополитической задачи стремится создать в рамках евразийского пространства под своей эгидой политический и экономический альянс таких ведущих и экономически значимых государств данного континента, как Россия, Казахстан, Иран, Пакистан и Япония, пытаясь, тем самым, геополитически и геоэкономически объединить указанные страны вокруг КНР. Другими словами, китайские правящие круги на пути к достижению доминирующих позиций в Евразии рассматривают в качестве своих главных стратегических союзников на евразийском про-

странстве именно РФ, Казахстан, Иран, Пакистан, а также Японию.

Во-вторых, руководство Китая для достижения доминирующего положения на евразийском континенте, а также обеспечения собственной военно-политической безопасности сейчас также активно использует фактор Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), членом которой КНР является и в рамках которой к началу 2012 г. Китай фактически сумел занять лидирующие позиции [3, с. 55–56].

В-третьих, китайские власти также полагают, что Пекину для «успешного» выполнения такого рода «евразийской геополитической программы» жизненно необходимым является усиление своего экономического и политического присутствия в Африке. В этой связи руководство КНР также рассматривает африканский континент в качестве важного направления своей геополитической и геоэкономической активности в начале XXI в.

В-четвертых, правящие круги Китая также сочли целесообразным в целях укрепления своих геополитических и геоэкономических позиций на международной арене усилить свое экономическое и политическое присутствие в Южной Америке. Однако данное направление китайской экспансии в настоящее время носит для Пекина, как следует заключить, второстепенное значение по сравнению с «евразийским» и «африканским».

Вторая. Важнейшее место в геостратегической программе Пекина в Евразии в начале 2000-х гг. также занимает реализация планов, предусматривающих «нейтрализацию» и/или «полное разрушение» попыток США, а также их главных стратегических союзников в лице государств ЕС и арабских стран Аравийского полуострова во главе с Саудовской Аравией реализовать в рамках Евразии совместные геополитические проекты, главной стратегической целью которых является установление полного военно-политического и экономического контроля Вашингтона над всем евразийским пространством и, таким образом, достижение Соединенными Штатами уже «абсолютного» господства над всем миром.

Для Китая в качестве важнейшего приоритета *оперативного значения* выступает задача, связанная с обеспечением геополитической «нейтрализации» и/или «полного сокрушения» как самостоятельных «центров силы» тех ведущих государств Евразии, которые по своим геополитическим и геоэкономическим устремлениям, а также имеющемуся в их распоряжении «внешнеполитическому потенциалу», могут воспрепятствовать Пекину успешно воплотить в жизнь его геополитический проект. Как следует

констатировать, китайские правящие круги в настоящее время рассматривают как главных геополитических противников Китая в условиях постбиполярного мира ведущие государства Запада – США и Евросоюз, а также Индию.

Кроме того, данные оперативные геополитические планы Пекина также предполагают создание, одновременно, на международной арене таких геополитических и геоэкономических условий, которые предоставляли бы властям КНР максимально благоприятные возможности для того, чтобы поддерживать наиболее эффективный алгоритм жизнедеятельности и поступательного развития китайского государства и общества в реалиях XXI в. в долгосрочной перспективе. Сами же китайские власти официально в качестве своих главных геополитических и геоэкономических приоритетов в рамках данного оперативного направления своего внешнеполитического курса определяют обеспечение природными ресурсами своей быстро развивающейся экономики, а также вознаграждение стран, которые поддерживают политику «одного Китая», исключая дипломатическую поддержку Тайваня [4, с. 83].

В то же время анализ содержания китайских планов относительно выстраивания геополитической борьбы против Соединенных Штатов и Запада в целом, о которых стало известно благодаря публикациям в открытой печати, позволяет утверждать, что в общем и целом эти замыслы китайских стратегов базируются на тех же основополагающих принципах обеспечения победы над врагом, которые были разработаны китайскими мыслителями еще в древности. Для обозначения подобных технологий ведения геополитической борьбы современные российские и западные геополитики и политологи используют два понятия-синонимы – «стратегия непрямого действия» и «мягкая сила». В самом Китае для определения подобного способа сокрушения «вражеских» государств применяют термин «*жуань шили*», который также переводится на русский язык как «мягкая сила» [2, с. 45]. Создателем самой идеи данной модели геополитического противоборства считается китайский полководец и военный теоретик Сунь-цзы. Как полководец Сунь-цзы находился на службе в царстве У в то время, когда там правил Хо Люй (514–495 гг. до н. э.). Свое учение о такого рода стратегии достижения победы над врагами он изложил в трактате «Сунь-Цзы бин фа», или «Правила ведения войны мудреца Суня». Сформулированная этим китайским полководцем и военным теоретиком концептуальная модель стратегии осуществления вооруженной борьбы фактически исключает в каче-

стве главного приоритета военной кампании открытое и прямое противоборство с армией вражеского государства. И при ведении войны подобным образом сама непосредственная борьба с войсками противника, следовательно, отнюдь не стоит на первом месте и не является основной задачей военной кампании вообще. Главным объектом «геополитической атаки» в ходе войны фактически должна быть, по мысли Сунь-цзы, правящая элита государства-противника, т. е. сам правитель, сановники, входящие в его ближайшее окружение, и военачальники, которых необходимо путем активного воздействия на них с помощью различных средств прежде всего «переиграть замыслом» и тем самым «не дать им выиграть». Иными словами, в ходе геополитической борьбы, согласно технологии «мягкая сила», основная ставка делается фактически на разрушение «вражеского» государства изнутри путем использования для этого главным образом тех кризисных процессов и явлений, которые образуются внутри «атакуемой» страны [5, с. 228–250].

По мнению автора, очень точно практическую суть той «непрямой» стратегической модели ведения геополитической борьбы против США, которой придерживаются правящие круги КНР сейчас, очень точно изложил российский исследователь Б.Н. Шапталов. «Если в 20–30-е гг., – указывал он, – в Советском Союзе постоянно дебатировалась тема о том, что «нас могут смять», и в 1941 г. и впрямь наступил «момент истины», то современной КНР спешить никуда не нужно. Страна может спокойно развиваться десятилетиями. А руководство выжидать по принципу «сидеть на горе и смотреть на борьбу тигров в долине». Плод должен созреть и упасть к ногам, как это произошло с лидерским статусом США в первой половине XX в. Точно так же Китай может спокойно качать мускулы, а потом, где-нибудь в районе 2030 г., когда старые лидеры исчерпают свой потенциал, явить себя миру» [6, с. 620].

Главной составляющей подобной «непрямой» технологии ведения геополитической борьбы, используемой Китаем против своих противников на международной арене, является так называемая «стратегия облавных шашек». Теоретическую основу подобной «стратегии» образовали правила национальной китайской игры «вэй ци» («обложить со всех сторон») или «облавные шашки». Особенность того, как должно достигаться сокрушение «вражеских» государств, согласно указанной оперативной модели «облавные шашки», сформулировал российский политолог М. Мартиросян, который при этом обратил внимание прежде всего на то,

как должен достигаться выигрыш («победа») по правилам игры в «вэй ци». «Только у китайцев в этой игре, – подчеркнул он, – победа достигается не побитием противника, как говорится: «ваша карта бита», не снятием с доски той или иной фигуры, типа: «ем вашего коня», но через исключение возможности для противника делать свободные ходы по своему усмотрению. Если в принятых на Западе играх пат – это ничья, то в китайских облавных шашках воспрещение маневра противника, лишение его возможности активных действий, сковывание хода (другими словами, нейтрализация возможностей противника поддерживать динамичное состояние собственной организационной системы. – *Прим. авт.*) есть «бескровная» победа над противником через «обволакивание его в пуховое одеяло» китайского присутствия со всех сторон.

Ничего подобного в принятых на Западе черно-белых «правилах игры на вылет» нет» [7, с. 386].

В геополитической практике китайской правящей элиты на оперативно-тактическом уровне эта «стратегия облавных шашек» нашла свое отражение в первую очередь в специфике выбора тех государств в Евразии, Африке и Южной Америке, которые должны были являться главными объектами активной экономической и политической экспансии со стороны КНР. Как следует констатировать, Пекин в качестве подобных «экспансионистских целей» стал «выбирать», с одной стороны, те страны, утверждение в которых позволяли китайским компаниям получить доступ к необходимым сырьевым ресурсам и дополнительным рынкам сбыта производимых в Китае товаров. И кроме того, также государства, включение которых в сферу влияния Китая предоставляло бы китайскому руководству благоприятные возможности одновременно добиться в итоге эффективного геополитического и геоэкономического «сокрушения» основных стратегических противников на международной арене – США, ЕС и Индии, а также, с другой стороны, обеспечивать надежное геополитическое «сдерживание», прежде всего в рамках евразийского континента, своих главных геополитических и геоэкономических «партнеров» – РФ, Казахстан, Иран, Пакистан и Япония.

В этой связи логика выстраивания тех геополитических шагов, которые нынешнее руководство Китая предпринимало и продолжает предпринимать на оперативно-тактическом уровне в первую очередь в Евразии, а также в Африке и Южной Америке, во многом действительно напоминают игру в «облавные шашки», где для Пекина «противниками» разной степени значимости выступают фактически все указан-

ные выше ведущие государства Евразии – США, ЕС, Индия, РФ, Казахстан, Иран, Пакистан и Япония.

Руководители КПК во главе с председателем Ху Цзиньтао для того, чтобы осуществить весь комплекс оперативно-стратегических планов своего геополитического проекта, в 2003–2012 гг. также сформулировали и стали последовательно воплощать в жизнь соответствующую геополитическую программу *тактического значения*. Как можно сделать вывод, тактические установки Пекина на международной арене предполагают ведение активной геополитической деятельности по следующим ключевым направлениям:

– *Тайвань*. По-прежнему главной задачей китайского руководства является создание для Тайваня таких геополитических и геоэкономических условий, которые позволяли бы вернуть это островное государство в состав КНР [8, с. 14];

– *Восточная и Юго-Восточная Азия*. Как следует констатировать, правящие круги КПК очень заинтересованы в экономическом и политическом объединении вокруг Китая государств данного региона и образовании так называемого «Восточноазиатского сообщества». По мысли китайских стратегов, для КНР ключевое значение для осуществления подобных тактических установок имеет налаживание самых тесных партнерских отношений с главными союзниками США в этой части Азии – Японией и Южной Кореей и включение их в это региональное объединение, подконтрольное Пекину. Власти Китая, стремясь создать под своей эгидой интеграционное пространство в АТР, в последнее время прежде всего резко активизировали свои внешнеэкономические связи с Японией, и с 2009 г. КНР стала крупнейшим торгово-экономическим партнером Японии. А с 1 июня 2012 г. Пекин и Токио начали осуществлять прямой обмен своих валют без пересчета на доллары, что должно значительно повысить эффективность двухсторонних экономических операций [9]. Однако отношения на политическом уровне между этими странами остаются пока натянутыми. Главные причины складывания подобной ситуации – это обострившиеся в последнее время территориальные споры между КНР и Японией из-за принадлежащих последней островов Сенкаку (их китайское название – Дяюйдао), расположенных в Восточно-Китайском море, которые Пекин считает китайской территорией, а также активное противодействие политическому сближению Пекина и Токио со стороны США.

Что касается Юго-Восточной Азии, то Пекин в качестве «главного» инструмента для распространения своего политического и экономиче-

ского влияния на страны этого региона стал использовать имеющуюся здесь многочисленную китайскую диаспору. Причем к началу 2000-х гг. представители китайских диаспор, как следует констатировать, уже сумели «создать» в государствах Юго-Восточной Азии необходимую для решения подобных геополитических задач финансово-экономическую базу. Так, активы, которыми располагают китайские общины в азиатском регионе, по данным аналитического отдела министерства иностранных дел и торговли Австралии, составляют от полутора до двух триллионов долларов. В Малайзии китайцы, составляющие треть населения, контролируют 70% национального богатства страны, в Таиланде китайцев 15%, но они владеют 80% национального богатства, в Индонезии 4% китайского населения контролируют 73% экономики, а один процент китайцев на Филиппинах – 60% национального богатства. Экономическая жизнь Сингапура почти полностью подконтрольна китайской диаспоре [10, с. 100]. Существенную роль китайские эмигранты играют и в экономике Австралии;

– *Россия*. В настоящее время Пекин, как можно заключить, активно стремится к тому, чтобы усилить свое геоэкономическое и геополитическое присутствие в первую очередь на территории Сибири и Дальнего Востока, т.е. в районах, где находится главная «сырьевая кладовая» РФ. При этом китайцы в основном используют финансово-экономические и демографические методы экспансии в данных регионах. Тем более что осуществлению такого рода китайских планов во многом благоприятствует та политика в отношении КНР, которой в настоящее время придерживается Кремль. В свою очередь, российские правящие круги, как следует констатировать, помимо координации усилий обеих стран на международной арене по решению различных внешнеполитических проблем также заинтересовано в том, чтобы развивать сотрудничество с Китаем в военно-технической сфере, в области энергетики, в торговле, в реализации совместных экономических проектов, и в том числе на территории России. Например, президент России Д.А. Медведев и председатель КНР Ху Цзиньтао во время встречи в Нью-Йорке, которая состоялась 23 сентября 2009 г., одобрили концепцию экономического сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и северо-восточными провинциями КНР на период с 2009-го до 2018 года. Данная программа предусматривает реализацию 205 совместных проектов в приграничных регионах двух стран. При этом все экономические программы, которые

должны быть осуществлены на территории России, нацелены прежде всего на организацию совместной добычи сырья в дальневосточном и восточносибирском регионах. Как следует из принятого обеими сторонами документа, руководство России готово начать совместную разработку месторождений каменного угля, железной руды, драгоценных металлов, апатитов и молибдена. Участие же Китая в этих проектах предусматривает создание в северо-восточной части страны промышленного производства из российского сырья олова, свинца, медных листов, кирпича, огнезащитных дверей, мебели, а также различной техники. И как следует констатировать, на ближайшие десять лет экономическое сотрудничество между Москвой и Пекином должно строиться, таким образом, по принципу «российское сырье – китайские технологии». По оценкам ряда российских экспертов, в результате достижения подобного экономического соглашения с Китаем, Россия фактически предоставила всю сырьевую базу Дальнего Востока и Восточной Сибири для эксплуатации китайской стороне. Другими словами, РФ в перспективе должна превратиться в важнейшую сырьевую базу для Китая в начале XXI в., т.е. практически стать «сырьевым придатком» КНР [11];

– *Центральная Азия.* В первую очередь Пекин также преследует в данном регионе Евразии долговременные экономические интересы. При этом магистральным направлением геоэкономической экспансии Китая является нефтегазовое. В этой связи основные геополитические интересы китайских властей и представителей китайского бизнеса в Центральной Азии фокусируются в первую очередь на Казахстане, а также Туркменистане – странах, обладающих значительным углеводородным потенциалом и высокими экспортными возможностями в данной сфере. Важными торгово-экономическими партнерами КНР также стали Таджикистан и Кыргызстан [12]. И к началу 2012 г. инвестиции из Китая в общем объеме вложенного к этому времени в экономику государств Центральной Азии иностранного капитала прочно заняли первое место;

– *Большой Ближний Восток.* Государства, расположенные здесь, являются крупнейшими поставщиками нефти в Китай, Японию, а также другие государства Восточной и Юго-Восточной Азии и Индию. При этом важнейшую роль в обеспечении потребностей КНР в этом виде энергетического сырья играют Саудовская Аравия и Иран. Кроме того, в начале 2000-х гг. китайские нефтяные компании сумели также заключить весьма выгодные концессионные контракты по добыче нефти с правительствами Туниса и Ливии. Однако организованные США и их союзниками в 2010–2011 гг. государствен-

ные перевороты в этих странах, в результате которых к власти пришли исламисты, фактически полностью сорвали подобные далеко идущие планы КНР относительно организации масштабного экономического проникновения в Северную Африку и создания в первую очередь геополитических и геоэкономических возможностей для начала эксплуатации китайским капиталом нефтяных ресурсов в данном регионе. Вместе с тем следует отметить, что к началу 2000-х гг. в совокупном импорте Китая сырой нефти первое место по объемам стали занимать поставки из Саудовской Аравии, второе место – из Анголы, третье место – из Ирана, четвертое место – из России [13, с. 81]. Поэтому власти КНР в настоящее время всеми способами стремятся сохранить стабильность нефтяного импорта в необходимых объемах из этого региона, усилить свои политические и экономические позиции и не допустить при этом установления США своего монопольного контроля над имеющимися здесь углеводородными ресурсами. Ибо в противном случае Пекину вряд ли удастся успешно реализовать в первую очередь свои планы по созданию геополитически и геоэкономически эффективного «Восточноазиатского сообщества», а также поддерживать поступательное развитие китайской экономики. Стратегическими партнерами для КНР в рамках Большого Ближнего Востока являются прежде всего Иран, Сирия, а также Пакистан. Поэтому в силу указанных выше факторов еще один из важнейших внешнеполитических приоритетов тактического уровня китайских правящих кругов заключается также в том, чтобы сорвать существующие планы Соединенных Штатов и их союзников по развязыванию военной агрессии против Сирии и Ирана и уничтожению данных государств как евразийских и региональных «центров силы»;

– *Африка.* Как следует констатировать, страны африканского континента также стали важнейшим направлением геоэкономической экспансии китайского капитала к началу 2000-х гг. При этом проникновение китайских компаний в Африку осуществляется комплексно и всесторонне поддерживается государством. Главными целями внешнеполитического курса Китая на африканском континенте является обеспечение бесперебойных поставок необходимых энергоносителей и других сырьевых материалов для своей экономики. Китайские власти в качестве первоочередной задачи экономической политики рассматривают создание в африканских странах производственных мощностей и транспортной инфраструктуры, позволяющих осуществлять добычу и переработку нефти, а затем вывозить это сырье в КНР. Ключевыми партнерами для китайского капитала в данной сфере

стали Ангола и Судан. Кроме того, в последние годы Китай активно расширяет свое присутствие в Габоне и Экваториальной Гвинее, где также имеются значительные запасы нефти. Помимо указанных государств китайские компании активно пытаются внедриться в экономику Зимбабве, Замбии, Нигерии, Конго, Сенегала, Гвинеи, поставляя в эти страны военную технику, обучая местных специалистов, осуществляя там различные инвестиционные проекты, которые связаны главным образом с добычей минеральных ресурсов и сооружением различных промышленных объектов, школ, больниц, железных дорог, шоссе, мостов, оптоволоконных сетей связи, направляя туда своих специалистов и др. И что не менее важно, в настоящее время руководство КНР также стремится решать такого рода экспансионистские задачи в том числе и за счет организации массовой миграции китайских граждан в африканские страны и создания здесь многочисленных китайских диаспор – как главных «опорных точек» усиливающегося геополитического и геоэкономического влияния Китая на африканском континенте [14, с. 107–113];

– Южная Америка. Для Китая главным геополитическим и геоэкономическим плацдармом в этой части мира при осуществлении здесь различных проектов является Куба. И к началу 2000-х гг. КНР стала вторым по значимости торговым партнером для Кубы после Венесуэлы [4, с. 80]. Однако во внешнеполитических экспансионистских планах Пекина Южной Америке, как уже указывалось выше, отводится второстепенная роль по сравнению с Евразией и Африкой.

В заключение следует констатировать, что, несмотря на все «коварство» и «изошренность» глобального геополитического проекта КНР, тем не менее, потенциальные возможности китайской правящей элиты выиграть геополитическую схватку с Соединенными Штатами и стать победителем в данной борьбе за мировое лидерство, опираясь на подобный стратегический концепт, выглядят как весьма и весьма проблематичные. И, по мнению автора, существует достаточно большая вероятность того, что КНР в конечном итоге все-таки проиграет эту «геополитическую партию» США и их запад-

ным союзникам в борьбе за мировое лидерство. В этом случае неизбежно также сформируется перспектива того, что представители правящей элиты Китая в ситуации, когда станет очевидным их «геополитический проигрыш» Вашингтону в борьбе за преобладание в первую очередь в Евразии, вполне могут резко изменить вектор своего геополитического курса и предпринять активные действия, направленные уже на поиск геополитических и геоэкономических компромиссов с руководством США на международной арене.

Список литературы

1. Шамин И.В. Современная геополитика: некоторые вопросы теории и практики: Монография. Н. Новгород – Саров: СГТ, 2009. 231 с.
2. Борох О., Ломанов А. Скромное обаяние Китая. Пекин творчески развивает американскую концепцию «мягкой силы» // Pro et Contra. 2007. № 6. Т. 11. С. 41–60.
3. Гольц А. Торговый партнер или военный союзник? Эволюция военно-технического сотрудничества между Россией и Китаем // Pro et Contra. 2005. № 3. Т. 9. С. 54–57.
4. Минсон А., Эриксон Д. Куба и Китай // Pro et Contra. 2007. № 2. Т. 11. С. 79 – 83.
5. Шамин И.В. Современная геополитика: технологии «прямых» и «непрямых» действий: Монография. Н. Новгород – Саров: СГТ, 2010. 432 с.
6. Шапталов Б.Н. Феномен государственного лидерства: экспансия в мировой истории. М.: Крафт+, 2008. 656 с.
7. Девятов А., Мартиросян М. Китайский прорыв и уроки для России. М.: Вече, 2002. 400 с.
8. Михеев В. Китайская головоломка // Pro et Contra. 2005. № 3. Т. 9. С. 6–17.
9. Япония и Китай объединяют экономики и отказываются от доллара. URL: <http://www.ruror.info.ru> (дата обращения: 21.03.2012).
10. Здоровец Я.И., Мухин А.А. Диаспоры и землячества: вопросы влияния. М.: Алгоритм, 2005. 208 с.
11. Ведомости. 2009. 12 окт. URL: <http://www.vedomosti.ru> (дата обращения: 12.10.2009).
12. Тургунбоев Ш. Перспективы присутствия Китая в Центральной Азии. URL: <http://www.centrasia.ru> (дата обращения: 10.07.2012).
13. Лукин А. Китай: опасный сосед или выгодный партнер? // Pro et Contra. 2007. № 6. Т. 11. С. 72–94.
14. Деминцева Е., Федюкин И. Китайская экспансия в Африке // Pro et Contra. 2008. № 2–3. Т. 12. С. 107–117.

MAIN PRIORITIES OF CHINA'S GEOPOLITICAL COURSE IN THE POST-BIPOLAR WORLD OF THE EARLY 2000s

I.V. Shamin, E.E. Mikhailova

Forming a multipolar world and providing dominating positions for the People's Republic of China within this system of international relations became the main geopolitical priority of the Chinese ruling circles on the international scene in the early 2000s.

Keywords: superpower, foreign policy, geostrategy, «soft power», geoeconomic expansion, geopolitical containment.